

Леонид Кузнецов

РАКОВИНА

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ

Леонид Кузнецов
Раковина.
Фантастические рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18664349

ISBN 9785447483203

Аннотация

Рассказы об удивительных и необычных происшествиях, с которыми столкнулись обыкновенные люди: как больной мальчик выздоровел с помощью морской раковины, как бабочка изменила жизнь героя, как чёрная пантера погибла от несчастной любви, как биороботы изменили жизнь людей и как ускоритель времени повлиял на характер главного героя.

Содержание

Раковина	5
Бабочка	19
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Раковина

Фантастические рассказы

Леонид Кузнецов

© Леонид Кузнецов, 2021

ISBN 978-5-4474-8320-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Раковина

После обеда неожиданно приехал дядя Боря. Олег видел его только на фотографиях и знал, что он мамин брат и плавает на большом корабле, который называется лихтеровозом. По рассказам мамы, Олег представлял дядю Большим, и он, действительно, оказался огромным и широким, а на голове лихо красовалась морская фуражка с «крабом». Дядя Боря сразу заполнил своей массивной фигурой небольшую комнату. Вместе с ним появился какой-то странный запах, горьковатый, тревожный, зовущий куда-то далеко-далеко. Олег читал, что все моряки пропитаны морским духом, и он сразу догадался, что это запах моря.

– Ну, малыш! – пророкотал дядя Боря настоящим капитанским голосом. – Здравствуй!

Олег обрадовался, когда увидел дядю, но непонятная робость охватила его, и он чуть слышно сказал: «Здравствуйте».

Рядом с дядей стояла улыбающаяся мама.

– Олежек, ты узнаёшь своего дядю? – спросила она.

– Да, – прошептал Олег. Мама гордилась своим младшим братом. Она часто говорила, рассказывая о дяде Боре, что только один из рода Лагутиных вышел в люди. «А ты разве не вышла?» – спросил как-то Олег. «Я тоже вышла, но, по сравнению с братом, топчусь на месте».

Дядя Боря постоял около Олега, спросил о здоровье и самочувствии. Робость понемногу уходил, и мальчик отвечал на вопросы смелее.

Потом взрослые ушли на кухню, и Олег услышал, как дядя негромко спросил: «Что врачи говорят?» Мать ответила, но тихо, и Олег не расслышал её слова. Правда, нетрудно было догадаться, что могла сказать мама: «Пока никакого улучшения нет». Так говорила, врач, Ирина Семёновна, которая раз в месяц приходила осматривать Олега. Была она ласковая, курила «Беломор» и смотрела на мальчика жалеющими глазами. Он не любил, когда на него так смотрели, но матери и врачу такие взгляды прощал, потому что они были для него самыми близкими людьми. Два раза в неделю приходили медицинские сёстры и делали болезненные уколы. Олег мужественно терпел боль. Он понимал – это нужно для того, чтобы вылечить его. Ещё он знал, из случайно услышанных разговоров, о том, что неизлечимо болен какой-то болезнью с труднозапоминаемым названием. Из-за неё у него не работала вся нижняя часть тела: ноги совсем не слушались, а правая рука еле-еле шевелилась, в отличие от совсем неподвижной левой.

Дядя Боря вошёл в комнату, держа в огромной руке красивую, розовую раковину.

– Малыш, – заговорщически сказал он, – хочешь послушать море?

Олег знал, что, если морскую раковину прижать к уху, то

можно услышать шум ветра и волн, и он радостно кивнул головой.

– Ну, малыш, слушай, – дядя Боря поднёс раковину к уху Олега. Мелькнувшей жалости в глазах бывалого моряка мальчик не заметил. Всё внимание приковала к себе раковина. Твёрдая и прохладная, коснулась она уха, но Олег ничего не услышал, и удивлённо посмотрел на дядю Борю.

– Сильнее прижимай, иначе не услышишь, – сказал он, вкладывая раковину в правую руку мальчика. С усилием прижав её к уху, Олег вдруг услышал какой-то лёгкий шум. По телевизору часто показывали море, с волнами и чайками, белыми кораблями. И всегда море шумело, но как-то неинтересно, не по-настоящему. Поэтому, когда Олег смотрел телевизионное море, он чувствовал, что это не то, совсем не то, что есть на самом деле. Мама в молодости ездила к дяде Боре в гости и видела море. По её рассказам, оно огромное, синее и очень красивое. Над ним постоянно дует прохладный ветер, кричат чайки и плывут белые облака. В журналах море тоже было очень красивое, но всё равно какое-то неральное. Журнальное... А Олегу так хотелось увидеть настоящее море, поплавать в его тёплой, солёной воде, полежать на горячем, мелком песке. Увы, об этом приходилось только мечтать. Поэтому Олег с большим нетерпением ожидал дядю Борю, веря, что тот расскажет про настоящее море лучше всяких книжек и журналов. Он же моряк!

Шум в раковине то становился сильнее, то затихал. Олегу

почудилось, что кричат чайки и шелестят о песчаный берег пенные волны.

Потом, весь вечер, дядя Боря сидел возле кровати Олега и рассказывал ему про море. Настоящее... Но на самом интересном месте появилась мама и приказала ложиться спать. Дядя Боря, пообещав дорассказать завтра, ушёл.

Олег долго не мог заснуть, взволнованный интересными рассказами. На столике, рядом с кроватью, среди книг, журналов и тетрадок, лежала розовая раковина. Олег задумчиво смотрел на неё, и вдруг ему показалось, что она стала светиться. Мальчик даже приподнялся от изумления. Но раковина, действительно, продолжала переливаться нежным, розовым светом. Он становился всё ярче и ярче, и постепенно заполнил всю комнату.

«Какая странная раковина! – удивлённо подумал Олег. – Как красиво светится! Обыкновенная так не будет переливаться... Значит – это не совсем обычная раковина», – решил он.

Внутри раковин появился синий свет, яркий, весёлый. Олег услышал шум ветра и плеск волн. Крики чаек. Запах, каким пропитался дядя Боря, зашекотал ноздри. Внутри сделалось тревожно и захотелось куда-нибудь пойти. Просто так, посмотреть. А что там, дальше?

И тут раковина стала расти. Но не только она, всё вокруг началось увеличиваться. Олег был умным мальчиком. Обычно у человека сильнее развивается та часть тела, которая всё

время работает. У Олега это была голова. Не имеющий возможности предаваться детским забавам и играм, он много читал, самостоятельно изучил два языка, понимая, что это когда-нибудь пригодится. Поэтому, увидев, как всё вокруг вдруг началось непонятным образом увеличиваться в размерах, он сообразил, что просто сам уменьшается. Но такое может происходить только в кино или во сне. Олег осторожно потрогал себя за нос. Тот оказался на месте.

«Значит, я не сплю. Тогда что же со мной происходит? Галлюцинации? Или что-то другое? Уменьшаюсь я, уменьшается моя масса...» – попытался логически рассуждать Олег, но оставил эту затею. Он почувствовал себя невесомым и не удивился, когда, махнув рукой, вдруг поплыл, легко и свободно, покачиваясь на мягких волнах синего света. Но это было не море. А Олегу захотелось побегать по берегу, покидать камни в прозрачную, зеленоватую воду.

«Если я такой маленький, то смогу залезть в раковину. Там шумит море... Может быть мне удастся хоть немножко посмотреть на него...»

Олег принялся сильно загребать неожиданно послушными руками к ярко-синему зёву раковины, который стал стремительно приближаться и вскоре заслонил всё вокруг. Синий свет начал сворачиваться в тугую спираль, похожую на пружину. Эта спираль уходила куда-то вглубь раковины. Далеко, далеко...

«Какая она большая», – подумал Олег, а спираль уже

закручивала его, засасывала в свои внутренности, унося в неизвестность. Он раскинул руки, ясно ощутившие упругие и, в то же время, мягкие волны спирали синего света, которая закручивалась всё стремительнее и стремительнее, превращаясь в длинный пульсирующий тоннель. И вдруг ослепительный солнечный свет резанул по глазам и заставил закрыть их.

«Я проснулся?» – подумал Олег. Он почувствовал, что плавно упал на что-то мягкое, тёплое, сыпучее.

«Песок?!» – обрадовался он, боясь открыть глаза, чтобы не спугнуть то непонятное, происходящее с ним. Прохладный ветерок ласково касался лица мальчика. Задумчиво шептались волны, совсем рядом. Резко покрикивали где-то вверху чайки.

«Неужели море?»

Сердце застучало сильнее.

«Но как? Каким образом? Как страшно открыть глаза. А вдруг это всё мне только кажется? Слуховые галлюцинации».

Олег открыл глаза.

И увидел бесконечную, сверкающую на солнце, водную гладь. Белокрылые чайки с криками носились над ней. Белые паруса яхт скользили далеко от берега, а ещё дальше, на горизонте, плыл яркий, белый корабль. В нескольких метрах от Олега песчаный берег заканчивался, и небольшие волны с лёгким шумом лениво набегали на тёмную полосу прибойя.

«Так вот оно какое – море!»

Олегу захотелось крикнуть: «Здравствуй, море!», но он подумал, что вдруг находится здесь не один и огляделся. Вокруг желтел песок и ни одной живой души не было видно. До яхт было слишком далеко, чтобы разглядеть на них людей.

Олегу стало немного грустно от этого.

«Ну, ничего. Главное, что я у моря. Настоящего!»

Он встал и совсем не удивился этому. Почему-то был уверен, что ноги будут его слушаться. Неторопливо пошёл вдоль берега, явственно ощущая босыми ногами тепло и мягкость песка. Увидев небольшой камушек, поднял его, и умело швырнул в воду. Запрыгавший по воде камешек, оставил за собой много кругов. Олег засмеялся от переполнявшей его радости. Он ходил, кидал камни в воду. Он увидел море!

Потом стал бегать по берегу. Просто так, что истратить куда-нибудь необычайную энергию, бившую в нём и требующей выхода.

Запыхавшийся, счастливый от всего того, что с ним происходило, Олег упал на песок.

«Невероятно! В раковине – целое море! Может быть, это не обычная раковина, а прибор, для перехода из одного пространства в другое, который потеряли какие-нибудь инопланетяне, а дядя Боря нашёл? И этот прибор походит на раковину. Благодаря ему я, может быть, попал, вообще, в другой мир? На другую планету?»

Олег приподнялся на локтях, внимательно осмотрелся. Нет, всё своё, родное, земное. Именно такое, как он не раз представлял себе, лёжа в постели долгими, нудными днями и месяцами. Олег набрал горсть песка, стал пересыпать его из рук в руки.

«Как в песочных часах. Мелкий, сыпучий, лёгкий. Песок тоже земной. Скорее всего, прибор, замаскированный под раковину, каким-то образом имитирует земной пейзаж... Или внушает его человеку. Какая хорошая штука! Летишь, например, в космическом корабле среди звёзд. Это же очень тоскливо, как и мне в кровати. Захотелось отдохнуть у моря, взял прибор-раковину и, пожалуйста – ты здесь. Всё, как взаправду! Купайся, сколько хочешь! Загорай! Здорово! Но только как мне попасть обратно?»

Олег вскочил на ноги. Остаться здесь ему, конечно, хотелось. Быть здоровым, сильным. Загорать, купаться...

«Но придёт мама, а меня нет. Она будет волноваться. Я же не предупредил её...»

Олег расстроился, представив, как огорчится мама, если не увидит его на привычном месте – в кровати.

«Нужно походить по берегу и поискать такую же раковину, – пришла ему в голову внезапная мысль. – Она должна быть здесь. Обязательно».

Олег торопливо зашагал к берегу, внимательно вглядываясь в жёлтый песок. Метров через двести он увидел лежащую раковину. Точно такую же, что привёз дядя Боря. Схватив

её, Олег обрадовался и успокоился.

«Теперь можно спокойно побыть здесь. Вернуться всегда успею».

Олег поправил плавки и полез в воду. Тёплую, прозрачную, зеленоватую. Сквозь неё проглядывалось дно, ровное, и песчаное, как берег.

Олег поплыл. Он и это умел здесь делать. Прикованный к постели, лишённый возможности двигаться, ходить, бегать, он довольно отчётливо представлял себе, как люди это делают. Читая книги, он часто перечитывал те места, где герои учились ходить второй раз в жизни после долгой болезни или ранения. Как-то, прочитав про Илью Муромца, Олег попросил маму принести отвару «встань травы», и ни за что не хотел говорить, для чего. Только мама сразу догадалась, зачем ему понадобилась такая трава. «Глупенький мой малыш, – грустно сказала она, погладив его по голове. – Это же сказка, и трава, значит. Сказочная. Если бы такие травы на самом деле росли, ты здесь не лежал бы», – и вздохнула. Но Олег всё равно затаил в себе надежду и стал ждать, когда ему исполнится тридцать три года, три месяца и три дня. Потому, что Илья Муромец в таком возрасте начал ходить после долгой болезни. А пока Олег заочно заканчивал десятый класс, хотя, если бы был бы здоровым мальчиком, то учился бы только в девятом. Тогда он вряд ли так много читал бы. Наверняка, большую часть своего времени тратил бы на какие-нибудь занятия движением, ходьбой. Спортом, на-

пример, занимался бы. И тогда, как и все нормальные дети, учился бы в том классе, какому соответствовал его возраст.

Олег отплыл далеко от берега, перевернулся на спину, чтобы отдохнуть.

«Здесь, наверное, есть медузы и дельфины».

Его рука коснулась чего-то скользкого. Олег отдернул руку и увидел полупрозрачный студёнистый купол медузы. Он нырнул, разглядывая её под водой. Такая же, как на экране телевизора или на картинке. Если тронуть её щупальца, то можно обжечься.

Под водой мелькнуло что-то тёмное. Олег вынырнул, испуганный и увидел, как недалеко выскочило чёрное, мощное тело и без всплеска упало опять в воду. Следом выпрыгнуло ещё несколько таких же тел.

«Дельфины!» – обрадовался он и закричал:

– Эгей! Дельфины! Морские братья!

Они сразу же окружили мальчика, затеяли вокруг него суматошную карусель. Олег вертелся в воде, трогал упругие бока руками и смеялся от счастья. Он не один! Друзья, которых так не хватало там, в реальном мире, рядом! Они всегда придут на помощь и не бросят, если станешь тонуть.

Один дельфин поднырнул под Олега, и мальчик очутился на его спине. Чтобы не упасть, он схватился за спинной плавник, а дельфин понёс его к берегу.

Потом, когда Олег встал на мелководье, дельфины сделали несколько групповых пируэтов в воздухе и ушли в море.

Олег махал им рукой и кричал:

– До свиданья, морские братья! Приплывайте ещё! Я завтра обязательно буду здесь!

Олегу почудился какой-то ответный крик, или это просто крикнула чайка...

Мальчик вылез на песок, сел, закопав ноги. Они у него оказались крепкими, с рельефными мышцами, не то, что те, которые он видел, когда мама мыла их. Тонкие, худые, с большими ступнями. Жалкие и безжизненные...

Олег посмотрел на лежащую рядом раковину. Почему-то особого желания вернуться и стать тем, прежним жалким и беспомощным существом, он не испытывал. Но опять подумал о маме.

«У неё слабое сердце. Что с ней будет, если она меня больше не увидит? А вдруг я вернусь такой, как есть сейчас? Может быть, попав в раковину и став другим, я таким же и останусь? – затеплилась внутри надежда, но трезвые мысли охладили её. – Нет, скорее всего, обратный переход сделает меня прежним. Просто в раковине больных нет. В ней все здоровые и счастливые...»

Олег взял её в руки.

«Только как возвращаться? Сказать что-нибудь. Например: „Сезам, откройся“? Или потерять, как волшебную лампу Алладина?»

Олег потёр раковину. Сразу стало темно, и он почувствовал, что лежит в кровати, что ноги не слушаются его, и ле-

вая рука тоже. Он посмотрел на столик и увидел раковину, которая лежала тёмная и неподвижная.

«Сон кончился, – грустно подумал Олег. – Если только это был сон...»

Он включил настольную лампу и вздрогнул, увидев на тыльной стороне ладони несколько прилипших песчинок...

– Ну, ты сам понимаешь, что сны Олегу стали сниться каждую ночь. Он мне их рассказывал. Там мальчуган всё время бегал, плавал, играл с дельфинами. Вообще, мечта его сбылась, и Олег вскоре сам поехал на море. Уже настоящее, а не то, что было создано его воображением.

Мы сидели с Борисом Георгиевичем на верхней палубе плавающего ресторана. Встретились неожиданно в толчее отдыхающих, и зашли посидеть, поговорить. Когда-то мы учились в мореходном училище, и о том, что у его сестры больной сын, я был в курсе, поскольку наши койки стояли рядом, а между хорошими друзьями нет тайн. Отец мальчика ушёл, когда узнал о несчастье своего сына. А Борис очень хотел помочь племяннику.

– Мой одноклассник, медик занимается психолечением, с помощью различных приборов, которые он конструирует. Последнюю модель аппарата для лечения гипнозом я выклянчил у него, чтобы испытать на Олеге. На свой страх

и риск... Аппарат маленький, со спичечный коробок, и я спрятал его в раковину, которая для Олега является, как бы своеобразным символом моря. Ну, а остальное дело техники и воображения. Чтобы Олег поверил в свою мечту, в её реальность, я, пока он спал, осторожно прилеплял к его телу то песчинки, то рыбы чешуйки. Так он сильнее убеждался в реальности происходящего с ним во сне. И, конечно, всё зависело от силы воли мальчика. Научиться ходить он мог только сам, упорными тренировками, специальными упражнениями. Чтобы мышцы, зашевелившиеся во сне, смогли окрепнуть...

Борис Георгиевич вдруг оживился.

– Вон, смотри! Олег, – и показал рукой. Я увидел, как худенький мальчик, прихрамывая и опираясь на чёрную трость, спускался по бетонной лестнице к морю. В руке он держал раковину.

– Решил вернуть её морю, чтобы нашёл кто-нибудь другой, и она помогла бы тому исполнить заветную мечту. Как и ему, – негромко сказал Борис Георгиевич и добавил: – Аппарат-то я вытащил, конечно. Может быть зря?..

Было пасмурно. На пустынном пляже слонялись отдельные фигуры.

Вдоль берега медленно ковылял мальчик с тростью и раковиной в руках. Ветер трепал его светлые волосы. Вся фигура мальчика была устремлена к морю, которое помогло ему встать с кровати, научило ходить и заставило ещё

сильнее полюбить жизнь.

Бабочка

В один из солнечных сентябрьских дней мой сосед по гостиничному номеру принёс бабочку.

– Зачем? – удивился я.

– Всё равно сдохнет, – ответил Шура и положил бабочку на газету, лежащую на столе. – Она на асфальте валялась, еле-еле крыльями шевелила.

Мы склонились над газетой. Шура осторожно расправил бабочке крылья. Красно-чёрный узор на них, тёмное лохматое тельце, длинные прямые усики – вот и весь её портрет. Обыкновенная бабочка. Таких повсюду много летает. Одно крыло у неё оказалось немного потрёпанным.

– Ну, и что ты с ней будешь делать? – поинтересовался я.

– К стене приколю. Засохнет – потом что-нибудь придумаю.

Шура достал из лацкана своего пиджака иголку с пластмассовым шариком на конце и проткнул тельце бабочки. Она резво замахала крыльями.

– Ты смотри, ожила, – удивился Шура. Потом взял шарик иголки своими толстыми пальцами и стал прилаживать к дверному косяку.

Я с интересом наблюдал за ним. Уже две недели живём в одном номере, а ещё толком не поговорили. Обычно соседи по номеру быстро знакомятся, но Шура на контакт шёл

очень плохо. Как-то раз я купил бутылку сухого вина, чтобы посидеть, поговорить, узнать друг друга получше. Однако вино пришлось пить одному, так как мой странный сосед не пил, не курил, и в свои на вид 30 лет оказался холостяком. С большим трудом я сумел вытянуть эту информацию.

После этого случая я перестал навязываться. Жить нам предстояло в одном номере ещё два месяца, так что со временем всё друг о друге узнаем. Я был почему-то в этом сильно уверен.

Оба мы приехали на курсы повышения квалификации инженеров-системотехников. Учились в разных группах и в разное время. Я до обеда, а он с трёх часов дня. Поэтому виделись мы в основном только вечером. По воскресеньям занятий не было, и я обычно гулял по городу, а когда возвращался, то Шура уже спал.

Постепенно я перестал обращать внимание на все его странности. На то, что во время разговора он всегда отводил в сторону свои зелёные глаза; что всегда стеснялся переодеться при мне; что ужин его был более чем скромен – бутылка кипячёной воды и буханка чёрного хлеба. Иногда, правда, он покупал рыбные консервы. Экономию его на еде я понимал как отсутствие денег. Обычно многие так делали: командировочные деньги экономили на проезде и еде. Это, конечно, когда командировочные мизерные.

У меня они были не очень большие, но я не экономил. По вечерам устраивал чаепитие: чай в пакетиках, пряники,

рулеты. И обязательно приглашал Шуру. Не мог этого делать в силу своего воспитания. Но он всегда отказывался и в довольно резкой форме, а когда ужинал сам, то приглашения от него я не слышал. Что ж, у каждого своя точка зрения на этикету, и каждый воспитывает себя сам, тем более в таком возрасте.

И вот он удивил меня этой бабочкой. То, что Шура любит животных, я понял в тот день, когда увидел, как он кормит из окна номера воробьёв и голубей. Но сейчас он убивал живое существо ради того, чтобы потом любоваться красивым трупом. Конечно, я слишком гиперболизировал свои взгляды на действия Шуры, но в данный момент почему-то подумал именно так, хотя и не испытывал к нему особой неприязни.

Бабочка, приколотая к деревянной планке косяка. Продолжала махать крыльями. Словно пыталась улететь, сорваться с иголки.

С того самого дня, когда бабочка появилась в номере, с Шурой стало происходить что-то непонятное. Раньше, утром, первым вставал я, поскольку нужно было идти на занятия. Не торопясь, я умывался, одевался, завтракал. Шура в это время продолжал спать. Но на следующее утро, после появления бабочки, он встал раньше меня и сразу же подошёл к бабочке. Причём мне было довольно странно видеть его в трусах и майке.

Бабочка сложила крылья и походила на чёрный кусочек

бумаги, ребром, торчавшим в дверном косяке.

– Живая ещё? – спросил он, неизвестно кого: то ли меня, то ли бабочку, и тронул её пальцем. Она резко расправила крылья и замахала ими. Шура вздрогнул от неожиданности и пробормотал: «Вот гадина...»

– Она недели три будет умирать, – подал я голос.

– Ну и пусть, – буркнул Шура и ушёл в туалет.

Я тоже поднялся с постели. Всё равно спать не смогу, так как Шура очень шумно шаркал ногами, сопел и, вообще, производил слишком много шума, при котором невозможно заснуть.

Когда я вышел из ванной комнаты после утренней процедуры умывания, Шура опять стоял возле двери и внимательно смотрел на бабочку.

– Будешь ждать, когда она сдохнет? – усмехнулся я.

Шура пожал плечами.

На следующее утро он снова встал раньше меня и подошёл к бабочке. Тронул её пальцем и, когда она замахала крыльями, пробурчал: «Живучая». Потом вдруг нервно заходил по комнате и ни с того, ни с сего сообщил мне:

– Слышь, Павлик, я сон странный видел.

– А я причём?

– Просто мне сны никогда не снятся, а если приснится какой-нибудь, то не запоминаю его. Помню, что видел сон, а какой – не помню... А тут так чётко и красиво! И главное – цветной, – с какой-то странной интонацией произнёс Шура.

Я внимательно посмотрел на него. Ходит по номеру, как-то ссутулившись, ногами шаркает сильнее обычного. Время от времени нервно потирает ладони.

– что с тобой? Не выпался?

– да, сон такое впечатление на меня произвёл, что я заснуть потом не мог. Лежал и думал...

– Что за сон?

– Сейчас расскажу, – заторопился он, встал передо мной и начал. – Будто сижу я на какой-то высокой-высокой горе, а вокруг голубое пространство. Даже дух захватывает. Кругом птицы чудные летают, бабочки всякие, жуки, стрекозы. И вдруг я сорвался и полетел... Ну, прямо лечу – и всё... Земля внизу круглая. Поля, леса – чётко всё видно. И так хорошо у меня на душе, так легко и свободно! Не передать словами. Ну, и проснулся...

Рассказывая, Шура даже изобразил руками, как он полетел.

– И всё? – спросил я.

– Всё.

– Не густо... Сны я разгадывать не умею, но перед смертью такие сны мой дед видел. Так что, сильно не расстраивайся, – мрачно пошутил я. Перемена, происходившая в Шууре, мне не нравилась, а вникать, почему сон показался ему странным, я не стал. Может быть, у него так называемый «сдвиг по фазе» из-за этой бабочки произошёл? Есть же такие психи – муху убьёт или комара, а потом жалеет. Зачем

убил? Насекомое жа-а-ал-ко-о-о-...

Вечером я побродил по городу, по парку, находившемуся недалеко от гостиницы. Люблю ходить по ковру из опавших листьев и ворошить их ногами... Потом зашёл в магазин и купил кое-чего к ужину. Войдя в номер, я увидел, что Шура сидит за столом и читает учебную литературу. Когда я расположился ужинать, он вдруг предложил:

– Давай выпьем винца?

Я чуть не подавился булочкой с маслом, а, придя в себя, сказал:

– Ты же не пьёшь...

– Да вот, – смутился Шура и полез в тумбочку, доставая оттуда литровую бутылку венгерского вермута. – Шёл мимо, смотрю – вино хорошее продают. Все хватали, ну и я купил. Надо попробовать.

В знак согласия я вылил из стакана чай, чтобы приготовить посуду.

– У меня и колбаса есть, – засуетился Шура.

Определённо, но бабочка каким-то образом повлияла на него.

– Понимаешь, Павлик, – говорил он мне, спустя некоторое время немного заплетающимся языком, – как-то странно я стал себя чувствовать. Вот сижу один, а сам чувствую, что кто-то ещё есть. Погляжу на дверь, а там эта сидит... Страшно даже становится...

– Да вроде бы ничего, – неуверенно сказал я. Не психом ли

он стал, в самом деле?

– Ну, не знаю, как ты, а я очень странно себя чувствую. Вот и подобрал её, тоже не знаю как. Никогда под ноги себе не смотрю. Нет такой привычки, потому что, какие ямы могут быть на асфальте? Никаких... Ну и иду... А зачем я вдруг себе под ноги глянул? Сам не пойму. Смотрю – чуть на неё не наступил. Взял и поднял. И сюда принёс... Зачем? Это я тебе сказал, что засушу, а когда нёс, то ни о чём не думал. Просто нёс и всё...

– В природе всё взаимосвязано, – сказал я, припоминая кое-что прочитанное ранее. – Мы все на одной планете живём, из одних и тех же молекул и атомов сделаны, под одним солнцем греемся, одним воздухом дышим и одну воду пьём. Вся Земля – это огромный единый организм, только каждое существо в нём, будь то микроб или животное, река или растение – каждое похоже на отдельную клетку со своими определёнными функциями. В нас, например, кости – это одни клетки, кровь – это другие, нервы – третьи. Они не похожи друг на друга, делают разные дела, по сравнению с другими, но весь наш организм живёт с их помощью. Так и наша планета существует. И уж если у нас внутри всё взаимосвязано и согласовано, то на Земле и подавно должно быть такое... Вот ты бабочку проткнул, а ей больно. Она тебе по биополю старается передать свои ощущения. И, если бы ты, например, был бы, как и она, бабочкой, то испытывал бы такую же боль. Но ты – человек, а, значит, воспринимаешь её сигналы

плохо...

– Ерунда всё это, – пробурчал Шура. – Начитался фантастики и придумываешь чёрт-те что... Вон, коллекционеры, у которых тысячи сушёных бабочек, по-твоему у них не жизнь, а сплошные кошмары? Или охотники, рыбаки, или те, кто на мясокомбинатах работают?

– Это уже не люди, – стал я защищать свои идеи. – У коллекционеров страсть накопления перебивает все другие эмоции, и у других людей – рыбаков, охотников – тоже. Тем более что у рабочих-забойщиков скота на мясокомбинатах – это работа. Они вынуждены поступать так, сознавая, что если не будут работать, то кушать станет нечего. Но тут дело ещё и в тебе самом кроется. Может быть, по неизвестной причине у тебя обострились какие-нибудь органы, которые условно можно назвать приёмниками биополя. И ты стал воспринимать ощущения бабочки. Или ещё одна версия: твой приёмник испортился и стал воспринимать только биоволны бабочки, а все остальные не может. Бывает такое в радиоприёмнике – одну волну хорошо принимает, а остальные не берёт. Так и у тебя: раньше понемногу не всё реагировал, а теперь только на бабочку... Наверное, со многими такое случается... Мне кажется, биоприёмники есть у всех существ, даже у растений. И эти приёмники воспринимают общее биополе Земли... А вот другой пример: ты когда в лес попадаешь, что в нём ощущаешь? Какую-то радость души, спокойствие. Верно?

– Ну, допустим.

– Лес создаёт своё огромное биополе. Сами деревья, воздух, флюиды, солнце – всё это влияет на человека. Его собственное поле растворяется в лесном. Он становится, как бы частью леса, его маленькой клеткой.

– Почему же лесорубы ничего не чувствуют, когда деревья пилят?

– А ты их спрашивал? Я вот в стройотряде был когда-то, в студенческие годы. С ребятами железную дорогу в лесу прокладывали. Узкоколейку, чтобы брёвна с лесозаготовок вывозить. Так там приходилось деревья валить. Когда пилишь – бензопила из рук рвётся, зубы её по дереву скользят, того и гляди она из рук вырвется. Тут как-то не до других мыслей. Лишь бы пилу удержать... А вот когда дерево начинает медленно-медленно падать, то смотришь на него и грустно становится. Это точно... Необъяснимая грусть.

– Ну, а бабочка причём? – перебил меня Шура.

– Притом... Я тебе битый час об этом толкую. О связи всех живых существ в природе. И не только живых...

– М-да, – покачал головой Шура. – Фантазируешь ты богато... Может выбросить её?

– Зачем? Пусть засыхает. Красивая бабочка. Зальёшь её эпоксидной смолой, сделаешь в виде прозрачного кубика, а внутри бабочка. Красиво! Я такую штуку видел. Только внутри стрекоза была.

– Ни к чему всё это, – сказал невпопад Шура.

Он был явно расстроен. Да ещё, наверное, мои разглагольствования повлияли на него. Но я не успокоился и продолжил:

– Но эта бабочка может быть и не простой бабочкой, а исследовательским аппаратом с другой планеты, который замаскировали под неё.

Шура с пьяным изумлением уставился на меня.

– А что ты думаешь, – разошёлся я. Уж если фантазировать, так с размахом. – Проблемой контактов с другими цивилизациями серьёзные учёные давно занимаются. Сигналы к звёздам посылают. А инопланетяне за нами наблюдают с помощью вот таких бабочек, жучков и прочих насекомых. Чем меньше исследовательский аппарат, тем незаметнее для нас.

– Ну, это ты загнул! Она же живая, а не железная...

– Значит, её так ловко подделали, что от живой не отличишь.

– Не, не... Такого не может быть. Это уж ты слишком завернул. Первое предположение лучше...

Мы с ним затеяли бессмысленный пьяный спор, в конце которого выяснили, что начало спора начисто забыли. На этом успокоились и завалились спать.

Утром, когда я с трудом разлепил веки, то увидел Шуру уже одетого и стоящего около бабочки.

– Всё ещё живёт, – сообщил он и ушёл.

Когда я, умывшись и одевшись, стоял, причёсываясь,

у зеркала, он вернулся. В сумке у него что-то звякало. Была суббота, я ещё не успел решить, куда сходить развеяться, а Шура уже ставил на стол бутылки пива...

– Похмелиться надо. А то башка тяжёлая, – сказал он.

– Думаешь, пиво облегчит её?

– Ну, не облегчит, так внесёт некоторую ясность. Давай садись. Я раздобыл у мужиков из своей группы немного сушёной рыбы, – и он зашуршал газетным свёртком. Ну, как тут было отказаться?

Мы жевали сухую рыбу, очень сильно солёную, и запивали пивом. Шура снова приснился сон, и он его мне рассказал.

– В этот раз по какому-то тёмному коридору шёл, а впереди голубое пятнышко светилось. И у меня к нему ужасная тяга. Тороплюсь, бегу... А стены тесные, и всё теснее и теснее становятся. В конце концов, я застрял. Туда-сюда подёргался – нет, не выбраться. Пятнышко впереди ближе и ближе. Будто само двигается. И вдруг мне в спину как что-то воткнется! Я даже вспотел. Проснулся – чувствую, что весь мокрый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.